

Сравнительный указатель сюжетов

Восточнославянская сказка

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-34
ББК 82
С75

С75 Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / – М.: Книга по Требованию, 2012. – 427 с.

ISBN 978-5-458-34482-1

ISBN 978-5-458-34482-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вообще относится к нашей теме. В основу своей систематики Аарне положил сказки европейских народов. В Указателе они делятся на следующие группы: I. Сказки о животных; II. Собственно сказки, куда входят: А) Волшебные сказки, В) Легендарные сказки, С) Новеллистические сказки и D) Сказки о глупом черте (поликане); III. Анекдоты. Внутри этих групп сказки объединяются в гнезда по тематическому признаку: каждая сказка (как целостный рассказ, а в ряде случаев — характерный мотив или эпизод) имеет порядковый номер (в первой группе — от 1 до 299, во второй — от 300 до 1199, и в третьей — от 1200 до 1999); в нумерации были оставлены пропуски для внесения новых сюжетов.

Здуманный и выполненный Аарне Указатель и отразил как сильные, так и слабые стороны финской школы, и встретил двойное отношение со стороны научной общественности. Со временем это отношение, само собой разумеется, распространилось и на международный Указатель Томпсона, выполненный также на основе системы Аарне, но с несравненно более широким привлечением сказочных источников по различным народам. Одним из первых в фольклористике вполне объективно к оценке каталога Аарне подошел С. Ф. Ольденбург. Он отнес его к «наиболее полному» и «наиболее систематизированному» из всех существующих каталогов. Но соглашаясь «кое в чем» с принципами классификации Аарне, он в то же время охарактеризовал его, как «значительный шаг в деле классификации народных сказок», несомненно вызвавший «усиленную работу в этом направлении».¹³ Критически оценивая Указатель, Ольденбург, будучи председателем Сказочной комиссии РГО, стремился найти ему практическое применение прежде всего в отечественном сказковедении. Так, в печатном органе Сказочной комиссии, выходившем под его редакцией, регулярно публиковались обзоры новых записей сказок со ссылками на Указатель Аарне. Это позволило оперативно информировать научную общественность о сюжетах, встретившихся в рукописных собраниях сказок, в том числе и таких, которые удалось опубликовать лишь многие годы спустя (некоторые из них остались в рукописях или даже были утеряны, например, сборник Е. П. Невзорова).¹⁴

[Пекролог]. — СЭ, 1934, № 1—2, с. 231—232; 4) Теория сказки Альберта Вессельского. — СЭ, 1934, № 3, с. 46—63; 5) Финская школа перед кризисом. — СЭ, 1934, № 4, с. 141—144; З е л и н Д. К. Международная конференция фольклористов-сказковедов в Швеции. — СЭ, 1934, № 1—2, с. 223—225; К о н к а У. С. «Финская школа» о сказке, с. 17—26; см. также: Arebok, 1932. Yearbook of the New society of letters at Lund. Vetenskaps—Societeten in Lund, 1932.

¹³ О л ь д е н б у р г С. Ф. Собрание русских народных сказок. . . , с. 316.

¹⁴ В сборнике «Сказочная комиссия в 1926 г.» были описаны по системе Аарне рукописные собрания сказок В. И. Чернышева (записанных в разных местах России), А. И. Никифорова (Заонежье), И. В. Карнаухова (За-

При живом участии и помощи С. Ф. Ольденбурга Н. П. Андрееву удалось завершить и издать многолетнюю и трудоемкую работу — перевод Указателя Аарне на русский язык с приспособлением его к русским материалам. Типовой указатель Андреева охватывал сюжеты русских сказок по основным фольклорным сборникам.¹⁵ На том, как создавался этот указатель, какие коррективы вносились при его разработке составитель неоднократно останавливался в своих статьях.¹⁶ Как и Ольденбург, Андреев вовсе не находил каталог Аарне бесспорным во всем и «совершенным вообще». Тем не менее он подчеркивал, что этот каталог «отличается несомненными достоинствами, которые делают его до сих пор незаменимым», что в целом его система «достаточно проста, практична (можно сказать, портативна. . .) и интернациональна, так как легко может быть применена ко всякому сказочному материалу, допуская возможность дополнений и изменений». И потому, утверждал ученый, «теоретическая перестройка каталога Аарне не должна мешать практическому применению его до тех пор, пока новая система не будет выработана и принята, как лучшая».¹⁷ А. И. Никифоров в статье «Жанры русской сказки», подвергнув критике финскую школу и поставив вопрос о классификации сказок по их функциям, также не ставил, однако, под сомнение практическое значение указателей сюжетов по системе Аарне.¹⁸

Собственно, эти взгляды на теоретическую и практическую ценность Указателя Аарне разделяются большинством советских сказковедов и сейчас. Более того, с тех пор как С. Ф. Ольденбург и Н. П. Андреев писали о нем, прошло полвека. Система Аарне получила международную известность и распространение. Это в первую очередь и определяет теперь ее ценность. Теоретические взгляды финской школы, которые вызвали ее к жизни, давно уже стали достоянием истории европейской фольклори-

онежье), Н. Е. Ончукова (Тавдинский край), Н. М. Элиаш (Новгородская губ.), Н. П. Гринковой (Воронежская губ.), М. Б. Едемского (Вологодская губ.); в сборнике «Сказочная комиссия в 1927 г.» — Е. П. Невзорова (Пензенская губ.), В. И. Чернышева (Псковская губ.), М. Б. Едемского (записанных в разных местах северных губерний России), А. И. Никифорова (Пинежье).

¹⁵ Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. — Для советских фольклористов ссылка на этот указатель стала общепринятой при публикации сказочных сборников, начиная с 30-х гг. К началу 40-х гг. Н. П. Андреев подготовил также указатель сказочных сюжетов украинской сказки (без отдела «Анекдоты»), который дошел до нас в рукописи (Архив Тбилисского гос. лит. музея им. Георгия Леонидзе).

¹⁶ См., например: Андреев Н. П. 1) Система Аарне и каталогизация русских сказок. — В кн.: Сказ. ком. в 1924—1925 гг., с. 15—20; 2) Указатель сказочных сюжетов. . ., с. 7—14.

¹⁷ Андреев Н. П. Система Аарне и каталогизация русских сказок, с. 17.

¹⁸ Учен. зап. ЛГПИ им. М. Н. Покровского, 1938, т. II, вып. 1, с. 233—259.

етни.¹⁹ Теперь уже трудно найти фольклориста, который свывал бы с Указателем теоретические иллюзии, которые были ей свойственны. Однако указатели по системе Аарне стали общепринятыми инструментами. Они помогают ориентироваться в сваяках того или иного народа, кратчайшим способом отыскать среди публикаций или архивного материала нужные исследователю тексты в максимальном количестве записей. Система Аарне—Томпсона с теоретической точки зрения отличается, конечно, целым рядом недостатков (нечеткость различения сюжета и мотива, мотивов сюжетобразующих и дополнительных сюжетов и сюжетных комбинаций, текста и сюжета; распределение сюжетов по основным группам не отличается единым принципом и т. д.). Обращение к этой системе в наши дни не означает ни желания примириться с ее недостатками, ни полемизировать с ней. Современная фольклористика стремится различать классификации теоретические и прагматические, связанные с практическими потребностями науки (библиографией, библиотечными каталогами, архивными картотеками и т. д.). Напомним еще раз мысль академика В. Штейница, высказанную на симпозиуме по проблемам классификации фольклора в 1964 г. в Москве: лексика может классифицироваться по различным признакам; наилучший способ ее группировки — по алфавиту; однако именно он принят во всем мире при издании словарей, так как очень удобен для быстрого нахождения нужного слова и общеизвестен.²⁰

Разумеется, слова В. Штейница нельзя в полной мере отнести к системе Аарне. В то же время она проста, общеизвестна и функционирует уже около 70 лет в международном научном обиходе, указывая на такие признаки, которые дают возможность быстро найти необходимый сюжет (чудесный предмет, чудесный помощник, глухой черт, исправление жены и т. п.). Достоинства системы по ослабевают с течением времени, а скорее, наоборот, усиливаются, так как растет количество построенных на ней национальных указателей, комментариев, сопоставительных таблиц и т. д. И, наконец, пока еще не удалось доказать практическую применимость более совершенных теоретических классификаций. Дело в том, что они обычно направлены на выявление наиболее общих закономерностей (исторических, функциональных, структурных и т. д.), которые в обычных текстах не выступают в чистом виде. Тексты, с которыми имеет дело исследователь, гетерогенны, т. е. сочетают в себе разностадиальные и разнофунк-

¹⁹ В 1974 г. очередной конгресс Международного общества исследователей фольклора (International society for folk narrative research) ознаменовался тем, что не было сделано ни одного доклада в духе традиционной финской школы (см.: Folk narrative research. Some papers present at the VI Congress of ISFNR. Helsinki, 1976).

²⁰ Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Москва, 3—10 августа 1964 г., т. VI. М., 1969, с. 398.

циональные элементы. Поэтому, например, весьма убедительные классификационно-типологические схемы, предлагавшиеся в последние годы в советской фольклористике (Е. М. Мелетинским и др.) и давшие много для совершенствования исторических представлений, не были предназначены для учета, описания и систематического распределения целостных текстов.

Позитивная роль, которую сыграла в мировой фольклористике система Аарне, в наши дни уже не может быть предметом дискуссии. Разработка и публикация национальных указателей, как свидетельствует список, приложенный к настоящему изданию, продолжается. К вышедшим в прошлые годы указателям по сказкам народов СССР, эстонскому, латышскому, литовскому, ливскому, саамскому, мордовскому и русскому теперь можно присовокупить не только предлагаемый читателю восточнославянский, но и недавно опубликованный грузинский, а также дополненный и пересмотренный латышский. Насколько известно, готовятся указатели литовский (новый), таджикский, армянский и др. Продолжается их публикация и за рубежом. Объем каталогов или указателей в зависимости от охвата материала значительно колеблется в пределах от 38 до 377 страниц (японский каталог Х. Икеды). Подавляющее большинство каталогов выполнено с большой тщательностью и аккуратностью, к некоторым из них прилагаются дополнительные материалы, например, карты местности с обозначением населенных пунктов, где записан тот или иной сюжет, таблицы контаминации сюжетов и пр.

В 1928 г. в серии FFC был напечатан, а затем в 1961, 1964 и 1973 гг. переиздан с дополнениями и уточнениями многонациональный сводный указатель Ст. Томпсона. В мировую фольклористику он вошел как указатель Аарне—Томпсона, и именно на нем теперь основываются вновь публикуемые указатели, в том числе и настоящий. Для своего каталога Томпсон воспользовался системой Аарне и его каталогом, а также всеми вышедшими к тому времени национальными каталогами и другими изданиями, а для второго и последующих стереотипных изданий также некоторыми архивными материалами (венгерскими, югославскими и др.).²¹ Многочисленные сведения он почерпнул из фундаментального труда Иоганна Больте и Иржи Поливки, значение которого не утрачено до сих пор.

Издание указателей сказочных сюжетов по системе Аарне вне серийных выпусков FFC началось уже в 20-е гг. Сколь огромный труд приходилось вкладывать составителям в разыскание и упорядочение сказочных материалов, можно судить, например, по каталогу старейшего польского литературоведа и

²¹ Во втором издании Указателя Томпсон ввел параллельные ссылки на свой шеститомный межжаповый указатель мотивов (*Motif-index of folk-literature*, vol. 1—6. Copenhagen, 1955—1958).

фольклориста Ю. Кшижановского.²² Мы останавливаемся на указателе Кшижановского, так как это не только лучший из европейских каталогов, но и наиболее авторитетный каталог сборок одного из родственных русским, украинцам и белорусам славянских народов. Первые две части его труда («Сказки о животных» и «Волшебные сказки») вышли в конце 40-х гг., но потребовалось еще пятнадцать лет, чтобы подготовить и издать этот труд полностью, включая разделы о легендах, новеллах, шутках и анекдотах, а также о сказках этиологических, рассказах о духах (быличках) и преданиях. Для выявления сказочных тенетов ученому пришлось детально обследовать архивы и огромное количество печатных изданий, в том числе периодику, поскольку, как он говорит, в Польше не было собрания сказок, подобного собраниям братьев Grimm в Германии, А. Н. Афанасьевна — в России, П. Сэбийо — во Франции. Придерживаясь в целом системы Аарне—Томпсона и тем самым вовлекая обширный польский материал в международный научный обиход, Ю. Кшижановский дополнил ее новыми сюжетами, обнаруженными в польском сказочном репертуаре, уточнил место отдельных сюжетов в общей системе каталога, внес коррективы в изложение сюжетных схем, сообразуясь с национальной спецификой материала.²³ Важную часть указателя Кшижановского составляют приложения, особенно те из них, которые помогают уяснить тот или иной сюжет в его традиционной контаминации с другими сюжетами, а также дают представление о том, кто и где конкретно его записал (собрал). В них входит и обширный список писателей как средневековых, так и новых с указанием литературно обработанных ими сюжетов народных сказок, что само по себе является значительным вкладом в область изучения взаимоотношений литературы и фольклора.

Итак, каталогизация сказок по системе Аарне—Томпсона, осуществлявшаяся на протяжении последних шести десятилетий, безусловно выдержала испытание временем. Предназначенная главным образом для обслуживания методических и методологических разработок финской школы, она вышла далеко за установленные ей пределы, найдя широкое признание и практическое применение у фольклористов различных школ и направлений, в том числе и в советской фольклористике. Многочисленные национальные каталоги сказочных сюжетов и сводный каталог Томпсона являются инструментом, без которого в настоящее время не обходится ни один исследователь сказки, в каком бы

²² K r z y ż a n o w s k i J. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym, t. I—II. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962—1963.

²³ Как подчеркивал Ю. Кшижановский в статье «Систематика польской сказки», Указатель Томпсона свидетельствует о недостаточном знании его составителем славянских материалов (K r z y ż a n o w s k i J. Systematyka bajki polskiej. — In: Z polskich studiów slawistycznych, Warszawa, 1963, № 334, 333 etc.),

русская сказка» Л. Г. Барага (1969), «Образы восточнославянской волшебной сказки» Н. В. Новикова (1974), «Русская народная сказка» Н. М. Ведерниковой (1975). Задачам изучения восточнославянских сказок в значительной мере служат появившиеся в последние годы фундаментальные библиографические труды М. Я. Мельца и М. Я. Гринבלата.²⁷

Сравнительное сказковедение за последние полвека обогатилось столь выдающимися исследованиями, как «Vychodoslavanské pohádky» И. Поливки (1932), «Исторические корни волшебной сказки» В. Я. Проппа (1946), вторым изданием его же монографии «Морфология сказки» (1969), основанных преимущественно на русском материале, а также монографиями Е. М. Мелетинского «Герой волшебной сказки» (1958) и К. Горалека «Slovanské pohádky» (1964). И все же следует признать, что сказки восточнославянских народов — в сравнительном плане — изучены еще далеко недостаточно. Важнейшей проблемой восточнославянского сказковедения остается фронтальное и систематическое сопоставление русского, украинского и белорусского материалов. Исходное значение при этом могло бы иметь сопоставление сюжетного состава сказок трех родственных народов.²⁸ Именно этой цели и может послужить кроме прочего настоящий Указатель.

При этом надо иметь в виду целый ряд специфических методических трудностей, возникающих при подобном сопоставлении. Прежде всего метод выделения отдельных сюжетов или мотивов в самостоятельные типы, предложенный А. Аарне, в ряде случаев является спорным. Это не может не возбудить некоторого сомнения в объективности количественных оценок соотношения сюжетов. Однако величина возможной ошибки явно уменьшается при массовом учете опубликованных текстов, количество которых, как мы уже говорили, достаточно велико.

И все же сопоставление репертуара сюжетов, характерных для трех этнических традиций, остается условным еще и по другим причинам. Запись всегда фиксирует лишь один из многих актов исполнения; наличие тех или иных сказок в публикациях зависит не только от воли исполнителей, но и от собирателей и издателей. Разумеется, нет оснований предполагать, что собиратели зафиксировали решительно все бытовавшие сюжеты, и все же важнейшее, вероятно, не осталось пропущенным. В указателях, подобных нашему, устанавливается прежде всего наличие

²⁷ М е л ь ц М. Я. Русский фольклор. Библиографический указатель, т. 1—3. Л., 1961—1967; Г р ы н б л а т М. Я. Беларуская этнаграфія і фалькларыстыка. Бібліяграфічны паказальнік, 1945—1970. Мінск, 1972.

²⁸ См.: Б а р а г Л. Г. 1) Восточнославянские сказки, их взаимосвязи и национальное своеобразие. — В кн.: Эпические жанры устного народного творчества. Уфа, 1969, с. 75—290; 2) Сюжеты и мотивы белорусских волшебных сказок (Систематический указатель). — В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1971, с. 182—235; 3) Сюжеты і матывы беларускіх народных казак. Систэматычны паказальнік. Мінск, 1978; Н о в и ц о в Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки.

того или иного сюжета в национальном репертуаре и только во вторую очередь количество изданных текстов, действительная популярность которых в национальной среде отражается довольно отдаленно.

Восточнославянская сказочная проза обычно несколько условно делится на сказки о животных, сказки фантастические (волшебные и легендарные) и сказки бытовые (новеллистические и анекдотические). В некоторых из этих жанровых групп выделяются разновидности, например, кумулятивные сказки о животных, докучные, анекдотические сказки и т. п. Согласно международной системе каталогизации, в особый раздел объединены сказки о глупом черте, в особый фантастики, но тяготеют к анекдотам. Учитывая сказанное, распределение сюжетов сказок в нашем Указателе по основным группам можно представить сравнительной таблицей.²⁹

	Русские	Украинские	Белорусские
I. Сказки о животных . . .	119	336	87
II. Собственно сказки			
a) волшебные	225	225	199
b) легендарные	106	132	118
c) новеллистические . . .	137	143	69
d) сказки о глупом черте .	84	78	60
III. Анекдоты	562	425	357
Всего	1233	1339	890

Различное количество сюжетных типов сказок в русских, украинских и белорусских сборниках, вероятно, отчасти связано с тем, что собиратели и издатели уделяли далеко неодинаковое внимание различным видам сказочного фольклора. Следует иметь в виду и то, что, например, множество анекдотов и «баек» (сказок о животных), не имеющих русских и белорусских сюжетных параллелей, представлено в украинском материале лишь в единичных записях. Существенная часть их зафиксирована собирателями в Галиции и Закарпатье, т. е. областях, географически наиболее удаленных от основной этнической территории восточных славян и имевших длительные контакты с народами Центральной Европы. Кроме того, многие из них являются пересказами популярных литературных басен. Поэтому, несмотря на количественные колебания типов сюжетов в сказочном репертуаре отдельных восточнославянских народов (все-таки, вероятно, не случайно

²⁹ Ср. с аналогичными таблицами в статье Ю. Кшижановского «Систематика польской сказки» и в статьях Н. П. Андреева о результатах каталогизации украинской сказки.

особенно ошутимое в таких поздних его слоях, как сказочные анекдоты, басенные повествования о животных), общее ядро восточнославянского репертуара просматривается достаточно отчетливо. Наиболее широко распространенные сюжеты сказок у одного из трех восточнославянских народов, как правило, популярны и у других восточных славян. Судя по количеству публикаций, это:³⁰

из сказок о животных — «Лиса крадет рыбу с воза» (1), «Волк у проруби» (2), «Звери в яме» (20А), «Кот, петух и лиса» (61В), «Кот и дикие животные» (103), «Волк-дурень» (122А), «Зимовье животных» (130), «Звери в саях у лисы» (158), «Коза луплена» (212), «Терем мухи» (283В*);

из сказок волшебных — «Победитель змея» (300), «Бой на калиновом мосту» (300А), «Три подземных царства» (301), «Смерть Кащея» (302), «Два брата» (303), «Девушка, встающая из гроба» (307), «Чудесное бегство» (313), «Звериное молоко» (315), «Марко Богатый» (461), «Мачеха и падчерица» (480), «Медный лоб» (502), «Чудесная корова» (511), «Сивко-Бурко» (530), «Конек-горбунок» (531), «Незнайка» (532), «Волшебное кольцо» (560), «Чудесные дары» (563, 564), «Правда и Кривда» (613), «Иван медвежье ушко» (650А), «Безручка» (706), «Чудесные дети» (707);

из сказок легендарных — «Чудесная дудочка» (780), «Кто съел просвирку» (785), «Золотое стремечко» (790), «Ангел на земле» (795), «Поп в козлиной шкуре» (831), «Мстительный святой» (846*);

из новеллистических — «Семилетка» (875), «Три добрых совета» (910В), «Царь Соломон и его неверная жена» (920), «Беззаботный монастырь» (922), «Дядя и племянник» (950), «Солдат и царь» (952), «Жених-разбойник» (955), «Девушка и разбойники» (956В);

из сказок-анекдотов — «Муж в мешке и притворно больная жена» (1360С), «Жена-доказчица» (1381), «Ловкий вор» (1525А, Д), «Дорогая кожа» (1535), «Мертвое тело» (1537), «Шут» (1539), «С того света выходец» (1540), «Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости» (1540А*), «Фома Беренников» (1640), «Знахарь» (1641), «Дурак и береза» (1643), «Набитый дурак» (1696), «Влюбленный поп» (1725), «Человек влезает на небо по дереву» (1889К), «Нет козы с орехами» (2015).

Наибольшим количеством опубликованных русских, а также украинских и белорусских текстов (свыше 15 по каждому народу) представлены волшебные сказки, отличающиеся особой устойчивостью традиционной формы. Они же имеют обычно и более широкое территориальное распространение, чем сказки некоторых других жанров, например сказки-легенды. Так, популярнейший у восточных славян тип 301 «Три подземных царства» опубликован в более чем 200 русских, украинских и белорусских вариан-

³⁰ В скобках даются номера сюжетов по Указателю. В Указателе учтены, как правило, только опубликованные тексты.

цах, охватывающих большинство районов расселения восточных славян.

Общность восточных славян обнаруживается не только в определенном наборе сюжетов, но и в количественном соотношении. Почти каждый тип волшебной сказки, представленный в русском и украинском материале более чем 14 опубликованными текстами, встречается не менее чем в 10 записях в белорусских сборниках, что при меньшем количестве известных нам белорусских сказок вообще вполне естественно. Исключение составляют «Чудесная птица» (567), «Молодильные яблоки» (551) и «Волшебное зоркальце» (709), имеющие несколько меньше белорусских аналогов. «Скорый гонец» (665) — единственный сюжет волшебной сказки, с которым связано более 3 русских и более 3 украинских опубликованных вариантов, но который не представлен в белорусских сборниках. И примечательно, что сказок данного типа очень мало также в польских, литовских и латышских публикациях. «Финист ясный сокол» (432) — единственный сюжет, который записан от русских сказочников более 15 раз, но вовсе отсутствует и в украинских, и в белорусских сборниках. Может быть, это объясняется тем, что в русской устной репертуар этот сюжет проник из лубка в довольно позднее время. Большинство волшебных сказок, которые известны в нескольких украинских вариантах, но отсутствуют или редки в русском материале, встречается в белорусских сборниках; широко известные русским, но редко встречающиеся в украинском материале сюжеты «Елена премудрая» (329), «Красавица-жена» (465А) записаны также от белорусских сказочников. А ряд сюжетов, представленных в украинском материале шире, чем в русском, относительно широко представлен и в белорусском: «Юноша служит пастухом у слепых старика и старухи» (321), «Жених-мертвец» (365) и др. Единственная волшебная сказка, известная более чем в 8 украинских записях, но отсутствующая в русских и в белорусских публикациях, — «Любовь к трем апельсинам» (408). Вместе с тем можно отметить лишь единственный сюжет, имеющий четырнадцать русских и три опубликованных белорусских варианта, но не имеющий параллелей в украинском, как, впрочем, и в фольклоре соседних с восточными славянами народов — «Борма-ярыжка» (485). Как это установлено специальным исследованием, ограниченность этнической территории устного бытования данной сказки объясняется тем, что сложилась она не ранее конца XVIII в. на литературной, лубочной русской основе.

В сказочном репертуаре восточнославянских народов есть сюжеты, отсутствующие в фольклоре других народов. Это такие, например, как «Волк и свинья» (106*), «Верлиока» (210*), «Суд орла над вороной» (220А), «Птичий царь Кук» (—221В*), «Змебогред Кожемяка» (300₂), «Окаменелое царство» (410*), «Скрипач у чертей» (—677**), «Богач в аду» (—761А*), «Пьяница входит в рай» (—800*), «Мстительный святой» (846*). Чем же это

объясняется? Сказковедение не может объяснить все отдельные случаи. Более того, надежность выяснения общих закономерностей формирования репертуара каждого народа не очень велика. И все же целый ряд несомненных причин отличий может быть назван уже сейчас. Так, некоторые из только что перечисленных сюжетов (300₂, —761А*, —800*) имеют параллели в памятниках древнерусской литературы. Отметим также специфическую группу русских, украинских и белорусских сказок о былинном богатыре Илье Муромце (—650С*). Они связаны не только с устной (сказочной и былинной), но и с русской рукописной и лубочной традицией. Характерно, что они получили распространение также и среди латышей, эстонцев, коми, карел, манси, марийцев, чуваш, эвенков, якутов и других народов СССР на их родном языке. Связаны с давней рукописной традицией и встречаются только в русских и восточнобелорусских записях сказки типа «Борма-ярыжка» (485) и популярные у русских, но редкие в белорусских и украинских записях сказки о Бове-королевиче (707В*), Еруслане Лазаревиче (—650В*), Португее-прапорщике (301D*). Последний сюжетный тип распространен также в литовской народной среде, а в последнее время опубликованы башкирские и татарские варианты, довольно своеобразные, но явно восходящие к русским источникам. Весьма характерны для сказочного репертуара всех восточнославянских народов «Герем мухи» (283В*), «Бой на калиновом мосту» (300А), «Катигорошек» (312D), «Свинка золотая щетинка» (530А), «Горе» (735А) и некоторые разновидности сюжетов о неверной сестре и жене-колдунье, сказки о железном волке (315) и царской собаке (449). Возможно, от восточнославянских рассказчиков такие сказки тоже были восприняты другими рассказчиками и поэтому встречаются изредка в западнославянских, балтских, балканских сборниках, а некоторые (300А, 312D, 449, 530А, 735А) и в современных сборниках башкирских, казахских, татарских сказок.

Общее в репертуаре восточных славян отнюдь не заслоняется специфическими особенностями сказочного репертуара отдельных народов. Русский материал, в частности, отличается замечательным разнообразием типов сказок о чудесных силачах-богатырях (650), о Моробе (664), о Правде и Кривде (613), а украинский — разнообразием особых сказок об Одноглазке (511), об оживленной неверной жене (612) и др. Необычайным разнообразием некоторых типов сказок отличается и белорусский материал. Причем одни и те же сюжетные типы, например «Жених-мертвец» (365), «Болшебное кольцо» (560), «Две доли» (735), «Горе» (735А), имеют в украинских и белорусских сборниках по несколько особых разновидностей, правда часто представленных единичными записями.

Специфика отражения действительности сказками каждого народа связана с некоторыми традиционными жанровыми особенностями. Так, в украинских «байках», которые особенно близко